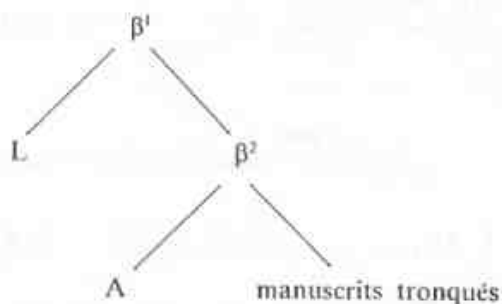

En ce qui concerne le livre I du chronicon nous pouvons donc présenter ainsi les liens de parenté existant entre tous ces manuscrits:

À propos des deux derniers livres nous n'excluons pas qu'ils remontent au même prototype et F. v. IV, № 3 présente en somme le texte homogène.

Е. В. АНИЩЕНКО

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИМ СПИСКОМ КОНЦА XII в. ПИСЬМОВНИКА ПЕТРА БЛУАСКОГО

(Российская национальная библиотека, Lat.F.v.I.22)

Когда в порыве писательского вдохновения Петр Блуаский написал, что его письма «сохранятся среди разрушений и потоков, в пожарах и бурных событиях времен»,¹ его рукой водила не авторская увлеченность, а историческая прозорливость. Время, которому в таких случаях выпадает роль судьи, в качестве вещественного доказательства справедливости этого пророчества сохранило более 250 рукописей, эти письма содержащих.

Такая популярность неудивительна. Выходец из французского рыцарского рода, Петр (1135(?)—1211/1212) получил блестящее образование, закончив сначала юридический факультет Болонского университета, а затем теологический Парижского, что вкупе с его способностями открыло доступ к успешной карьере. В разные периоды своей жизни Петр был учителем молодого короля Сицилии Вильгельма II, секретарем Генриха II, секретарем трех архиепископов Кентерберийских (Ричарда, Балдуина и Хуго) и личным секретарем Элеаноры Аквитанской, архидиаконом сначала Батта, а потом Лондона. И во все эти периоды писательство было его профессией и призванием.

Какова бы ни была тема писем, составленных Петром от собственного лица или по чьему-либо заказу, они всегда являются произведениями литературы, продуктом и достойным подражания образцом эпистолярного жанра. Именно этот фактор определил их популярность и некоторые особенности рукописной традиции. При многократном копировании сборник писем Петра Блуаского, который служил практическим руководством по *Ars dictaminis*, нередко терял авторскую композицию, пополнялся произведениями других авторов, подвергался перекомпоновке, со-

¹ *Patrologiae cursus completus. Scripta latina* / Ed. J. P. Migne. Paris. 1855. Vol. 207. P. 238. Далее: PL. 207.

ответствующей задачам, стоящим в каждом конкретном случае. Перед исследователем этих рукописей стоит, таким образом, двоякая задача: с одной стороны, рассмотреть индивидуальные особенности каждой рукописи, а с другой — определить ее место в рукописной традиции произведений Петра Блуаского. Последнее особенно важно в свете довольно острой необходимости создания критического издания писем Петра.²

Текстологическая работа по подготовке такого издания уже начата западными коллегами. Отметим труды таких исследователей, как Кон,³ Соверн,⁴ Игоннз⁵ и Валгрэн.⁶ Однако рукопись, о которой пойдет речь в этой статье, не нашла своего места в исследованиях этих ученых, хотя и была известна некоторым из них.⁷

Кодекс Lat.F.v.I.22 из коллекции рукописного отдела Российской национальной библиотеки интересен для исследования рукописной традиции писем Петра Блуаского уже тем, что является одним из наиболее ранних памятников этой традиции. В первом же исследовании, посвященном этому кодексу,⁸ он датирован концом 12-го века,⁹ т. е. периодом наибольшей активности и творческого расцвета автора. Иначе говоря, речь идет о прижизненном списке, и поэтому новое подтверждение существующей датировки и ее возможное уточнение являются задачами особой важности.

Автор вышеупомянутого исследования, Е. В. Ершова, высказывается по этому вопросу довольно кратко: «...описываемый кодекс не позднее конца XII века (что доказывает его письмо)», но никаких конкретных доводов в пользу этой датировки не приводит. Описание каталога,¹⁰ предлагая читателю в целом более полную информацию о кодексе и даже локализуя его, также не уделяет внимания доказательству сделанных выводов.¹¹

² Существует несколько старых изданий писем Петра Блуаского: Jacques Merlin (Paris, 1519), Jean Bence (Mainz, 1600), Pierre de Guissanville (Paris, 1667). Комментарии Гусенина были позднее включены в издание Миня. Текст самих писем в *Patrologia Latina* опубликован согласно изданию: *Petri Blesensis. Opera omnia* / Ed. L. A. Giles, Oxford, 1846.

³ *Cohn J. S.* The manuscript evidence of the letters of Peter of Blois // *English Historical Review*, 1926, 41, P. 43—60.

⁴ *Scathern R. W.* Some new letters of Peter of Blois // *English Historical Review*, 1938, Vol. 53, P. 412—424.

⁵ *Hogonnet E.* The letters of Peter of Blois. Diss. Harvard University, 1973.

⁶ *Wahlgrén I.* The letter collections of Peter of Blois. Studies in manuscript tradition // *Acta universitatis Gothoburgensis. Studia Graeca et Latina Gothoburgensia*, LVIII, Göteborg, 1993 (далее: *Wahlgrén*).

⁷ Валгрэн включила нашу рукопись в свой развернутый список рукописей (см.: *Wahlgrén*, P. 202).

⁸ См.: *Дубинин-Ражкевичевский О. А.* Заметки и извлечения из латинских рукописей СПб. Императорской Публичной библиотеки // *Историческое обозрение*, СПб., 1914, Т. XIX. Приложение, С. 14—20. Исследование выполнено ученицей Ольги Антоновны Е. В. Ершовой. Даны некоторые элементы описания содержания рукописи. Основное внимание уделено письмам, расположенным на с. 44 v—46 v.

⁹ Там же, С. 19.

¹⁰ Латинские рукописи V—XII вв. Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина: Краткое описание для единого каталога рукописей, хранящихся в СССР. Л., 1983. I. С. 41, № 143.

¹¹ Приводим описание вышеупомянутого каталога, за исключением библиографии: «Lat. F. v. I N22 Petrus Blesensis Epistulae 1—15, 41—56, 58—62, 65—67, 69—75,

Библиотечные пометы и владельческие записи проливают свет лишь на позднюю судьбу кодекса.¹² Для того чтобы высказать некоторые соображения о датировке и месте создания, необходимо рассмотреть внешние аспекты рукописи: ее палеографические и кодикологические особенности.

Рукопись состоит из 6 тетрадей, по 8 листов каждая, за исключением последней тетради, в которой только 6 листов. Страницы разлинованы на 46 строк, отведены широкие поля. Текст написан в две колонки. Анализ проколов говорит о том, что кодекс переживался для того, чтобы вставить 5-ю тетрадь, которая отличается от остальных тетрадей пергаменом, техникой и системой разлиновки, письмом, отсутствием инициалов и рубрик, качеством копирования.

Тетради № 1, 2, 3, 4, 6 (ff. 1—33, 40—47) разлинованы свинцовым карандашом. Эта часть рукописи выполнена одной рукой на пергамене одного сорта. Текст написан красивым округлым минускулом с ярко выраженным наклоном вправо и элементами готического начертания. Важным моментом для датировки этой части рукописи является совокупность двух характерных элементов начертания букв: «расщеп» и «коленца».

Расщеп у верхнего конца вертикалей формируется во второй половине XI в., активно употребляется в первой, а отчасти и во второй половине XII в.¹³

«Коленце», т. е. излом в нижней, подстрочной, части удлиненных вертикалей, подобный свособразной запятой, является характерным признаком письма второй половины XII в. (см., например, ms. Paris, Bibl. nat. lat. 12270 — Корби, 60—70-е годы XII в.)¹⁴ и почти полностью выходит из употребления к 30-м годам XIII в. Употребление обеих этих форм письма говорит о том, что почерк писца нашей рукописи сформировался в середине второй половины XII в.

Другой особенностью письма, позволяющей уточнить его датировку, является высокая вариативность начертания одних и тех же букв (особенно заглавных), что было свособразной модой во второй половине XII в.¹⁵ Приводимая ниже таблица дает приме-

77—83, 86, 88, 90—94, 128, 150 (f. 1—14v.; 15—28v., 29—43). *Variorum epistolae ad Alexandrum III, Ricardus Cantuariensis, Epistulae 95—96* (f. 14v—15, 28v.—29). Alexander III, papa, *Instructio fidei Catholicae ad Soldanum Iconii missa* (f. 43—44v). *Epistulae (21) Incerti* (f. 44v—47). Конец XII в., Франция, 47 л., 328 × 247 мм, красные инициалы, рубрики».

¹² Согласно записи на нижнем поле первого листа: *Ex museo Petri Dubrowsky 1778, Parisius*, рукопись является одним из первых французских приобретений знаменитого коллекционера Петра Дубровского. Документов и свидетельств о приобретении рукописи Дубровским, и ее предельной судьбе не сохранилось.

¹³ *Мажуга В. И.* Почерк в латинском письме конца VIII—середины XIII в.: Дисс. — канд. ист. наук. Л., 1979. С. 156.

¹⁴ См. воспроизведение: *Mérindol Chr. de.* La production des livres peints à l'abbaye de Corbie au XIIe siècle // *Thèse pres. dans l'Univ. de Paris I. Lille*, 1976 (далее: *Mérindol*). Т. 2. P. 21

¹⁵ Manuscripts at Oxford: R. W. Hunt memorial exhibition, Oxford, 1980 (далее: *Hunt*). P. 36.

ры начертания некоторых букв в сравнении с письмом других рукописей.

Как видим, сопоставление с атрибуированными рукописными памятниками довольно настойчиво подводит к выводу о том, что письмо пяти тетрадей нашей рукописи относится ко второй половине XII в. Умеренное использование суспензий и контракций, разлиновка карандашом являются дополнительными чертами, характерными для этого периода. Общий эстетический облик письма и разметки страницы близки традиции скриптория Корби, однако нельзя не обратить внимание на некоторые очевидно привнесенные извне элементы. К примерам «островного» влияния на письмо нашей рукописи относятся «английский» вариант начертания заглавной буквы **T**,¹⁶ а также употребление значка **n** для латинского *enim*. Значок этот ведет свое происхождение из Ирландии, однако уже в X в. он был широко распространен на территории Англии.¹⁷ В нашей рукописи он встречается три раза; в остальных случаях слово пишется целиком или используются другие сокращения.

Следы «островного» влияния несет на себе инициал **A** на л. 21 verso. Его форма, напоминающая слегка наклоненную влево букву **J**, очень характерна для инициалов английских рукописей.¹⁸ Любопытно, однако, обратить внимание на то, какие изменения претерпел этот способ начертания инициала **A** в нашей рукописи. Логика построения «английского» инициала такова, что скругленная головка буквы выполняет как бы двойную функцию: завершает правую вертикаль и формирует горизонтальную перекладину, что позволяет писцу выписать букву фактически одним движением пера, не прерываясь на отдельное вычерчивание горизонтали. В нашей рукописи логика работы писца нарушена: писец копирует облик буквы, но, не заметив или намеренно упустив самую суть такого построения, проводит «лишнюю» горизонтальную перекладину в нижней, треугольной части, полностью лишая округлую головку функциональной роли, и даже нарочито подчеркивая ее декоративность тонким зигзагообразным росчерком. Если принять во внимание другие примеры начертания инициала **A** в той же рукописи,¹⁹ складывается впечатление, что такая причудливая форма возникла в результате попытки автора инициалов соединить новую для него форму буквы с привычными навыками и элементами начертания. Иными словами, «английское» начертание является здесь элементом, очевидно заимствованным, «чужеродным», призванным внести нюанс разнообразия в оформление инициалов.

¹⁶ См. табл. **T**, начертание 2.

¹⁷ См.: *Lindsay W. M.* 1) *Early Irish minuscule script*. Oxford, 1910; 2) *Early Welsh Script*. Oxford, 1912.

¹⁸ *Hunt*. Инициалы № 5, 13, 15, 18v, 75v.

¹⁹ Включая вышесказанные в рукописи 4 инициала. Во всех остальных случаях инициал имеет строго геометрическую форму **A**. Инициал на л. 28v также украшен росчерком сверху.

Инициалы и рубрики, открывающие каждое письмо, выполнены киноварью в изящной и простой манере. Помимо более пышного *incipit*, инициалы украшены, как правило, одним или двумя элементами. В целом набор таких декоративных элементов можно классифицировать следующим образом: а) «прорезанный» в теле буквы узор (белый на фоне красного); б) тонкие и длинные выносные вниз, вверх, в сторону и вниз; в) «крылообразный» элемент у верхнего края буквы (особенно **P**, **R**, **A**); г) завивающийся лист; д) «бусины», чаще всего — в инициале **M**; е) «петля» в инициалах **O** и **Q**. Все эти элементы характерны в целом для инициалов XII в.²⁰

Можно отметить, таким образом, общее сходство письма пяти тетрадей рукописи *Lat. F. v. I. 22* с французским письмом конца XII в. и в частности с письмом северофранцузского скриптория Корби, и хотя «островные» английские элементы вносят свой нюанс в общую картину, превалирующее число палеографических характеристик свидетельствует о северофранцузском происхождении рукописи.

Пятая тетрадь, как уже было сказано, была присоединена к кодексу позднее. Разлиновка в этой тетради сделана чернилами, что является признаком XIII в. Несколько иной вид имеет и характер разлиновки. Письмо имеет более ярко выраженный готический характер: округлые элементы букв становятся угловатыми (ромбовидная форма головок **a** и **g**), левая вертикаль заглавной **D** получает угловатый излом вправо, сокращается расстояние между буквами, исчезают расщепы в верхних окончаниях равнодлинных и малых вертикалей. Между тем все еще сохраняется колленце в длинных вертикалях, спускающихся под строку, вышедшее из практики письма к 40-м годам XIII в.²¹ Такое сочетание характеристик письма позволяет отнести письмо пятой тетради к первым десятилетиям XIII в.

Призывая, несомненно, восполнить утраченный фрагмент кодекса, тетрадь переписывалась без должного тщания, о чем свидетельствуют многочисленные ошибки и пропуски, исправленные и восполненные той же рукой. Отсутствуют инициалы. Писцу этой тетради принадлежат, по всей вероятности, многочисленные маргинальные пометы, разбросанные по полям всей рукописи: *nota bene*, обозначение стихов в тексте с помощью маргинальной надписи «*versus*», знаки цитирования, которыми отмечаются цитаты из Библии (например, 7v., 8r.) и классических авторов (36v).

Маргинальные знаки — не единственный способ, с помощью которого цитаты выделяются в тексте. Во всех шести тетрадях рукописи практикуется такой редкий способ цитирования, как сокращение слов цитаты до первой буквы. Так, например, на с. 7r цитата

²⁰ Особенно для Англии (см.: *Avril F., Stürnemann P.* *Manuscripts enlumines d'origine insulaire VIII—XXe siècle*. Paris, 1987. (Далее: *Avril, Stürnemann*). Pl. XII, XIX, XXVI, XXI, XXIII, XX), а также Франции (*Mérindol*, T. 2, N 66, P. 239).

²¹ *Мажуро В. И.* Почерк... С. 179.

из 140-го псалма *oleum autem peccatoris non impinguet caput meum* выглядит следующим образом: *oleum a. p. n. i. c. m.* В основном так переданы в нашей рукописи цитаты Священного писания, однако на л. 33v такой же вид получила цитата из Лукана, V 527—531:²² *O vitae tutta facultas, pauperis angustique lares, o munera pondum intellecta Deum; quibus hoc c. m. a. t. p. n. i. t. c. p. m.*

Примеры такого сокращения очень редки.²³ Тем любопытнее то, что такой же способ цитирования обнаруживается и в другой рукописи письмовника Петра Блуаского — *Vatican Ottobon 3008*, датируемой концом XII—началом XIII в.²⁴ Такие сокращения, несомненно, предполагают достаточно высокую эрудицию читателя и, принимая во внимание определенную оригинальность метода, могут даже восходить к особенностям автографа, с которого снимались копии. В более поздних рукописях письмовника Петра Блуаского все цитаты приводятся полностью.

Таковы данные палеографического исследования рукописи. Уточнить и дополнить их поможет содержание кодекса. Основную часть кодекса (с. 1—43) занимают письма Петра Блуаского. Наша сверка рукописи с изданием *Patrologia Latina* дает ряд писем, который несколько отличается от каталога:²⁵ 1—15, 41—56, 58—62, 65—75, 77—86, 88, 90—95, 128, 150;²⁶ иными словами, от составителей каталога ускользнуло наличие в рукописи писем 68, 84, 85, 95.

На листах 43—44v воспроизведен трактат *Instructio fidei catholicae*, написанный Петром около 1169—1170 гг. Трактат написан в форме письма и, по-видимому, именно в связи с этим включен во многие средневековые рукописи письмовника.

Листы 44—47 содержат письма, не принадлежащие перу Петра Блуаского. Это короткие послания различного содержа-

ния.²⁷ Любопытно отметить, что в этих посланиях упоминается три топонима: несколько писем посвящены жизни студента в Париже, затем блок посланий повествует о продвижении некоего каноника в деканы церкви Пуатье с помощью архиепископа Санса. Косвенным образом это подтверждает французское происхождение рукописи.

Анализ самих писем Петра Блуаского может предоставить некоторые данные для корректировки даты написания рукописи, а именно для определения *terminus post quem*.

Из 66 писем Петра Блуаского, представленных в рукописи, 22 датированы Жилем. Согласно этой датировке, самым поздним является письмо, открывающее сборник. Без каких-либо комментариев оно датировано 1200-м годом, что хронологически не обосновано, так как письмо адресовано Генриху II, умершему, как известно, в 1189-м.²⁸ Следовательно, мы не можем воспринимать всерьез эту датировку. Примерно так же обстоит дело и со следующим в хронологическом ряду письмом, адресованным цистерцианскому приору R.²⁹ Это письмо датировано 1195-м годом, однако, ни в тексте письма, ни в примечании нет никакой информации, подкрепляющей эту датировку. Петр разъясняет своему «сердечному другу» некоторые места в своем не дошедшем до нас сочинении *De praestigiiis fortunae*, время написания которого неизвестно, и жалуется на старость: «...дни же мои подходят к концу... Недолго осталось мне до той меры, которая назначена всякой плоти. Морщины мои свидетельствуют против меня, и уже принял я седину, предвещающую последний час. Ведь согласно Апостолу, всякий, кто одряхлел и состарился, умрет».³⁰ Каждая эпоха вырабатывает свои представления о возрастных периодах жизни человека, не говоря уже об индивидуальном подходе к этому вопросу. Известно, что продолжительность жизни человека в Средние века была существенно короче, чем в наши дни, и человек, достигший 50-ти лет, считался персоной весьма преклонного возраста. Петр, родившийся в 30-х годах XII в., мог жаловаться на дряхлость начиная с 80-х годов того же века, что он и делал в письмах к своим друзьям. Таким образом, и это письмо мало что дает для определения времени составления письмовника.

Следующей и наиболее достоверной датой *post quem* является дата письма, написанного Генриху II по поводу смерти его сына, Генриха III, который скончался в 1182 г.

Во всех письмах нашей рукописи, написанных от лица Петра Блуаского,³¹ он именуется архидиаконом Батта. Дата возведения Петра в этот сан является предметом научной дискуссии и так или иначе определяется 1182—1183 гг. Любопытно, что в нашей рукописи сан «архидиакон Батта» назван безотносительно к ре-

²² Ср.: PL. 207, Col. 180.

...O vitae tuta facultas,
Pauperis angustique lares, o munera pondum
Intellecta Deum; quibus hoc contingere miris,
Aut templis potuit, nullo trepidare tumultu
Caesarem pulsante manu.

²³ Мы имеем в виду редкость систематического употребления такого сокращения в применении к разным цитатам. Этот метод сокращения нередок в случае частого повторения одной и той же цитаты, как, например, в рукописи трактата о птицах Хуго Фолетти (РНБ, Lat. Qv. I. 131), где первые 4 главы начинаются с одной и той же цитаты из 67-го псалма. Цитата дается целиком в первой главе и сокращается вышесказанным способом во всех последующих. Такого же, видимо, логичи сокращения цитат в glossae к Псалтыри (см.: Cambridge, Trinity Coll. R. 17. I, f. 100 — около 1150, Кембридж(?), см.: *Miller E. G. La Miniature Anglaise du Xe au XIIIe siècle. Paris, 1926 (далее: Miller). Pl. 42; Bodleian Library Ms. Auct. D.2.4. — 60-е года XII в., Англия: Hunt, с. 37, fig. 23.*

²⁴ Почти во всех случаях в этой рукописи подвергаются сокращению те же места, что и в рукописи из коллекции РНБ.

²⁵ См. примеч. 10.

²⁶ Письма согласно их нумерации в PL, последовательность в рукописи таин: 1—4, 82, 5—6, 85, 7—9, 81, 10, 11, 13, 55, 80, 88, 86, 14, 150, 84, 12, 49, 15, 42, 41, 43, 71, 44, 90, 93, 45, 66, 47, 67, 95, 69, 75, 68, 50, 51, 128, 52—54, 56, 61, 58, 60, 70, 59, 62, 65, 72, 92, 73, 74, 77—78, 79, 83, 91, 94.

²⁷ См. примеч. 8.

²⁸ PL. 207, Col. 1—3.

²⁹ Ibid. Col. 11—13.

³⁰ Ibid. Col. 12.

³¹ В рукописи присутствуют два письма, написанные Петром от лица епископа Кентерберийского и епископа Экстера.

альным датам написания отдельных писем. Так, например, он присутствует в письме ХLI, которое датируется 1177-м г.³²

Таким образом, нижней границей создания рукописи следует считать 1182—1183 гг.

Текстологический анализ памятника — задача, заслуживающая отдельного рассмотрения. Здесь мы коснемся лишь нескольких аспектов, которые могут помочь установить место нашего сборника в рукописной традиции письмовника Петра Блуаского.

Переходя к текстологическому исследованию, мы вступаем на довольно зыбкую почву, поскольку рукописная традиция весьма обширна и разнообразна, а критического издания текста не существует. Сравнение рукописи с единственным доступным нам изданием в *Patrologia Latina* обнаруживает множество расхождений. Необходимо сразу отметить, что в очень редких случаях эти расхождения связаны с явной ошибкой или опiskeй писца, как, например, чтение *venteris*³³ вместо *veteris* в цитате из 5-й сатиры Персия, ст. 59.³⁴

Цитаты из сочинений классических авторов довольно часто отличаются от известной нам редакции. Например, фрагмент из 13-й сатиры Ювенала:

Poena autem vehemens ac multo saevior illis
Quas et Caedicius gravis invenit aut Rhadamanthus
Nocte dieque suum gestare in pectore testem.³⁵

в нашей рукописи выглядит так:

Poena quidem vehemens ac multo saevior illis
Quas et Dionisius gravis intulit aut Rhadamanthus
Nocte dieque suum deferre in pectore testem.³⁶

Трудно объяснить, каким образом имя Цедичия, участника кровавых развлечений Нерона, оказалось заменено на ничего не говорящее имя Дионисия.

В отличие от редакции, опубликованной Жилем, цитата из «Писем с Понта» Овидия (I, II, 35—36) в петербургской рукописи, напротив, вполне соответствует принятому чтению:

Nescio, qua natale solum dulcedine cunctos
ducit (у Жила — *Tungit*), et immemores non sinit esse sui.³⁷

Возможно, такие разночтения³⁸ (за исключением заведомой описки в цитате из Персия) были представлены именно в таком

³² PL. 207. Col. 121—122. Датировано по описываемым событиям: участие Генриха II в разбирательстве спора за власть между Альфонсо Кастильским и Санчо Наваррским. Примечание Гусенина (col. 121).

³³ Рукопись, f. 5r.

³⁴ Ср.: PL. 207. Col. 261.

³⁵ Ср.: PL. 207. ep. LXXII. col. 222.

³⁶ Рукопись, f. 36v.

³⁷ Там же.

³⁸ Приведенные здесь примеры не исчерпывают всего материала рукописи на эту тему.

виде в изначальном тексте Петра и связаны с особенностями использованных им рукописей, либо с цитированием по памяти.

Сам Петр далеко не всегда был аккуратен в том, что касалось исторической точности его текстов. Так, например, в своем первом письме, оправдываясь в том, что «ради просвещения публики» (*causa publicae eruditionis*) было привлечено кое-что из книг языческих, он пишет «...ведь и апостол Петр, порицая галатов, несколько гомеровских строк изящно составил».³⁹ Единственный пример употребления поэтических строк в посланиях Павла, который содержится в послании к Титу, относится не к галатам, а к жителям Крита и приписывается не Гомеру, а Эпемениду. Видимо, именно эти соображения заставили Жила поменять *Galatharum* на *Cretensium*, а *versus homericos* на *versus poeticos*. Однако, согласно наблюдению Л. Валгрена, все без исключения рукописи, с которыми ей довелось работать, сходятся на чтении *Galatharum* и *homericos*, а значит, скорее всего, именно так выглядел текст, вышедший из-под пера Петра Блуаского.⁴⁰

На счет писца нашей рукописи или дефектов того образца, с которого рукопись копировали, следует, по всей видимости, отнести некоторые из расхождений в именах адресатов. Всего таких отличных от редакции Жила титулов в нашей рукописи пять.⁴¹ В письме 80 адресат именуется «G. amicus» в редакции Жила и «F. amicus» в нашей рукописи. Та же участь постигла и адресата письма 85, превратившегося из R. Sarisberiensis у Жила в V. Saresb(eriensis) в нашей рукописи.

Пожалуй, самый интересный случай смены имен — письмо 82, которое в нашей рукописи написано от лица архиепископа Кентерберийского U.,⁴² в то время как согласно PL оно написано Рикардом, являвшимся архиепископом Кентерберийским с 1173-го по 1184-й год. Письмо это адресовано аббату и братии некоего цистерцианского монастыря и является по сути панегириком ордену.⁴³ Можно предположить, что в этом случае изменение имени связано с изменением реалий и под аббревиатурой U скрывается Hugo (Ugo), занимавший кафедру архиепископа Кентерберийского с 1193 по 1205 г. Если принять это предположение, то и дата создания рукописи находится в этом временном отрезке.

В письме 71 адресат наделяется новым именем и заведомо ошибочным титулом (*magister C. Blesen. archiep.* вместо *magister Ernaldus Blesensis*). Второй пример того же рода — письмо

³⁹ Рукопись, f. 1r.: et Paulus apostolus ad improprium Galathatum quandoque versus homericos eleganter aptavit.

⁴⁰ Wahlgren. P. 136.

⁴¹ Мы не стали принимать во внимание те случаи, когда разночтения носили фонетический характер, например: W. Dei gratia Senonensem archiepiscopum (Рукопись, f. 30v) и ad Guillelmum archiepiscopum Senonensem (PL. 207. Col. 380).

⁴² Рукопись, f. 2 v.

⁴³ Адрес этого письма выглядит следующим образом: U. Dei Gratia Cantuar. Archiepiscopus totius Angliae primas et apostolicae legatus dilectis in Christo fratribus et amicis abbati et conventui Cisterciensi salutem et consilium salutare.

54, адресованное в PL некоему L, архидиакону Пуатье. В рукописи адресатом указан «L. Briocen. Archiep». Таких титулов, как архиепископ Блуа или Saint-Briéuc не существовало. Для образованного современника Петра Блуаского, каковым был писец рукописи, такие ошибки указывают на почти полное невнимание к соответствию содержания писем историческим фактам. Иными словами, спустя всего несколько лет после написания этих писем, они уже целиком и полностью воспринимались как литературные произведения, своего рода развернутое пособие по *Ars dictaminis*.

Прочие примеры расхождения между нашей рукописью и редакцией Жилия свидетельствуют скорее о дальнейшей авторской работе над текстом, плодом которой явилась редакция Жилия. Прежде всего при сравнении нашей рукописи с текстом, опубликованным в PL, обращает на себя внимание отсутствие в нашей рукописи некоторых слов и пассажей.

Например, в письме 3 Петр, распекая некоего знатного человека за то, что он обидел бедного капеллана, пишет (согласно тексту рукописи): *Quid gloriae tibi, quaeso, accrevit in eo, quod ipsi vililitatem generis exprobrasti?* — «Какая слава тебе прибавится от того, что ты упрекнул его в низком происхождении?» В PL к слову «*ipsi*» добавлено определение «*honestato et commendabili viro*». Благодаря этой вставке мысль автора получила большую контрастность, его человеческий протест стал более убедительным.

Можно было бы предположить, что краткий вариант в нашей рукописи в этом месте явился результатом неслучайного сокращения более полного текста, тем более что случаи изменения, а порою и искажения текста оригинала встречаются в петербургской рукописи. Однако другой пример из того же письма убеждает в обратном. Поскольку речь идет главным образом о библейских цитатах, приведем весь отрывок по-русски.

«Что пользы тебе, несчастный, в том, что преумножаешь бахвальство ложной знатностью, и в том, что бедному другу бедность словно бы вменяешь в преступную вину. Ведь бедность — почетный титул для бедняка Христа; <Христос бедняк, сын бедной Девы, бедняков избрал в апостолы (Иаков, 2). И не кажется достойным идти в дом законника, чтобы воздать почести богатству (Иоани, 4). Набузардан лишь бедняков в земле обетованной оставил, а всех богатых взял в плен (IV Царств, 25).> В гордости же и злоупотреблении ты достоинства своих предков приписываешь к своей славе...»⁴⁵

Ломаными скобками мы выделили часть текста, присутствующую только в редакции Жилия. Внушительный ряд примеров в этой редакции, по-видимому, говорит о том, что при новой редакции текста автор постарался дать более точную

⁴⁵ Ibid. Col. 8.

⁴⁶ Ibid.

ссылку на свой источник и подыскать дополнительные аргументы в Священном писании в обоснование важной для него идеи.

Можно отметить и случаи сознательного улучшения стиля в редакции Жилия, например, там, где был допущен лексический повтор. Так в письме 2 употребленное во второй раз определение *humilior* заменено на более точное и в то же время вносящее в изложение темы живое разнообразие определение *ferventior*:

«*Nemo enim fuit in confessione humilior, in sui accusatione contritior, in emendatione devotior, in propriae carnis affectione crudelior, in omne satisfactione ferventior* (в рукописи — *humilior*).»⁴⁶

В других местах редакция PL смягчает резкость высказываний автора. Можно полагать, что ко времени создания новой редакции кипение былых страстей уже утихло. Вот лишь несколько примеров:

«*Nam inter occupationes varias (в рукописи — anxias) et tempestuosos curia fluctus et mihi durum est aliquid scribere, et longe durius vestrae majestatis imperio contraire.*»⁴⁷

«*Illud etiam vestra, sicut reor, eminentia diligenter attendit, quod fere omnes epistolae meae de alieno pendebant arbitrio, et nunc propter ingruentium necessitatum, urgentiam incultius, nunc propter materiae tenuitatem recisus, nunc propter insufficientiam personarum, quibus scribebantur, aut quae scribebant, inurbanus aut diffusius aut simplicius (в рукописи — inconsultius) me scribere oportebat.*»⁴⁸

«*Si ergo ex abundantia (в рукописи — immunditia) cordis verba mea quandoque cursum devotae humilitatis excesserint, indulgeat mihi liberalitas vestra.*»⁴⁹

«*Ego qui reliqui, ne vos offenderem, quod pretiosius et gloriosius habebam inter omnia quae mihi contulerat fortuna clementior* (в рукописи — *dementior*)...»⁵⁰

Таким образом, при сравнении рукописи с опубликованным в PL текстом нетрудно заметить, что последний несет на себе следы более тщательной стилистической работы над текстом. Характер исправлений говорит о том, что они выполнены самим Петром Блуаским, вероятно, некоторое время спустя после окончания редакции, представленной в рукописи. Иными словами, по сравнению с редакцией Жилия наша рукопись содержит более раннюю авторскую редакцию письмовника.

У нас почти нет свидетельств самого Петра относительно его работы над редакцией (или редакциями) текста.⁵¹ О редакциях

⁴⁶ Ibid. Col. 7.

⁴⁷ Ibid. Col. 1.

⁴⁸ Ibid. Col. 2.

⁴⁹ Ibid. Col. 173.

⁵⁰ Ibid. Col. 174.

⁵¹ Лишь дважды Петр упоминает некоторые обстоятельства работы над письмовником: из письма 1 мы узнаем, что инициатором публикации писем, написанных Петром Блуаским, выступил Генрих II, а в письме 210 знакомимся с перипетиями самого дела издания, существенный ущерб которому, как пишет Петр, причинила плохая выучка писцов.

памятника мы можем, следовательно, судить лишь по рукописной традиции. Тот факт, что рукописи очень различны по составу, композиции и содержанию, уже давно привлек внимание ученых. Еще в 1923 г. Кон предпринял первую попытку классифицировать 43 рукописи, исходя из того, какие письма вошли в сборник и каков их порядок. Он же выделил несколько семей рукописей, которые, как он полагал, отражают разные авторские редакции. Уже следующий исследователь, Соверн, усматривал в дошедших до нас списках 3 авторские редакции. Спустя еще несколько лет Этель Игонне выделила 3 главных и 8 менее существенных редакций, сделанных Петром Блуаским. Слабым местом во всех приведенных выше классификациях является то, что их авторы полностью игнорируют намеренное или случайное влияние писца или заказчика рукописи на состав кодекса и редакцию текста, объясняя все расхождения и разночтения замыслом автора.

Довольно убедительная попытка проверить данные этой классификации с помощью колляции текста писем принадлежит шведской исследовательнице Л. Валгрэн. Результатом ее работы стало выделение двух обширных групп рукописей, отличных друг от друга как по общему содержанию, так и по редакции отдельных писем. По мнению исследовательницы, эти группы соответствуют двум авторским редакциям коллекции писем. Первая редакция содержит письма 1—15, 17, 19, 21—22, 24, 26, 28, 30, 32—62, 65—75, 77—82, 84—86, 88, 90—95, 128, 130, 136, 150, 153—156, 158—159, 162—163, 173 и *Instructio fidei*, а также может содержать письмо 83.⁵²

Состав нашей рукописи соответствует составу первой редакции, с той только разницей, что наша рукопись значительно короче, чем первая редакция в полном объеме. Данные текстологического анализа, которые приводит Валгрэн, также подтверждают принадлежность нашей рукописи к первой редакции.

Одним из самых ценных результатов работы шведской исследовательницы стало критическое издание пяти писем, из которых три присутствуют в нашей рукописи, а именно письма 1, 14 и 150. Первое письмо содержится во всех списках письмовника, однако чтение некоторых мест различно в разных редакциях. Примером такого расхождения редакций может служить приведенное выше разночтение *simplicius/inconsultus*. Согласно утверждению Валгрэн, последнее чтение — *inconsultus*, — которое отличает и нашу рукопись, характерно для первой редакции.

Письма 14 и 150 тематически связаны. Оба они посвящены королевской курице, причем 150-е письмо является своего рода извинением за некоторые положения 14-го. Письмо 14 имеет две довольно отличные друг от друга версии. Помимо того, что первая версия, представленная в нашей рукописи, короче и проще второй, налицо серьезные изменения в тексте, сделанные, очевидно, самим автором. В обеих версиях Петр пускается

в пространные рассуждения о том, как опасна для души и тела клирика жизнь при дворе, однако в первой редакции автор пишет, что все мучения возмещаются возможностью быть подле своего замечательного короля, который является образцом всех добродетелей, а щедрость — добродетель для королей важнейшая. Во второй версии с тем же рвением, с каким воспевался король, развивается тема бедных придворных, тщетно ожидающих вознаграждения от короля, которому чужда справедливость и который менее всего любит тех, кто более всех его любит. Обе версии содержат длинный перечень опасностей, подстерегающих при дворе, однако все во второй версии выглядит хуже, чем в первой. К жалобам первой версии на дурной хлеб и вино прибавляются также сетования на плохое пиво, непостоянство короля, его отношение к куриалам как к животным и, наконец, на продажность придворных.

Как убедительно доказывает Валгрэн, изменения, внесенные Петром во вторую редакцию письма, далеко не случайны и связаны не только с изменением в его умысле. Вторая редакция была создана после смерти короля: именно поэтому на смену несмелым ожиданиям и замаскированным намекам на королевские милости приходит острая, хотя и все еще почтительная, критика. Письмо 150 присутствует только в первой редакции, так как содержащиеся в нем извинения за слишком смелые пассажи 14-го письма потеряли свой смысл после смерти Генриха II.

Таким образом, на основе классификации сохранившихся до наших дней рукописей и текстологического анализа можно с определенной уверенностью говорить о двух авторских редакциях текста, датированных 1184—1185-м и приблизительно 1198-м гг.

Сопоставляя данные зарубежных коллег с нашими наблюдениями над рукописью, со всей смелостью можем утверждать, что петербургская рукопись содержит первую редакцию писем Петра Блуаского, является одной из самых ранних рукописей этого автора и написана во Франции в конце XII—начале XIII в. Самой древней рукописью писем Петра Блуаского до сей поры считалась рукопись *Vatican Ottobon. 3008*, также датированная рубежом XII—XIII вв. Трудно переоценить значение качественной ранней копии писем Петра Блуаского, каковой является рукопись *Lat. F. v. I. 22* из собрания Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, для готовящегося критического издания произведений этого автора.

⁵² *Wahlgren. P. 189.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сопоставительная таблица начертаний некоторых букв рукописи Lat.F.v.I.22 с начертанными атрибутированными рукописными памятниками

Буква	Начертание	Рукопись	Датировка	Локализация
А Заглавная	1.	a) Amiens, Bibl. m. 43 (<i>Mérimodol</i> , III, 115)	XII в.	Франция
		b) Paris, B. N., lat. 11575 (<i>Mérimodol</i> , III, 131)	1163—1164	Корби
	2.	a) Oxford, Bodl. L., Selden. B. 16 (<i>Hunt</i> , P. 25, 29, fig. 14)	1129	Malmesbury, Англия
		b) Vaticano, Bibl., ms. Borguense 30 (<i>Mérimodol</i> II, 225)	1195—1200	Корби
G Строчная		a) Paris, B. N., lat. 17767 (<i>Mérimodol</i> , III, 24)	Между 1105 и 1123	Корби
		b) Paris, B. N., lat. 12291 (<i>Mérimodol</i> , III, 157)	1164	Корби
N Заглавная	1.	a) Paris, B. N., lat. 17767 (<i>Mérimodol</i> , III, 66)	2-я пол. XII в.	Корби
		b) Paris, B. N., lat. 11580 (<i>Mérimodol</i> , III, 164)	1174—1180	Корби
	2.	a) Paris, B. N., lat. 1918	1107—1121	Корби
		b) Paris, B. N., lat. 11564	1174—1180	Корби
3.	a) Paris, B. N., lat. 12185 (<i>Mérimodol</i> , III, 234)	1152—1158	S. Laurent- au-Bois или Heilly	
	b) Paris, B. N., lat. 12324 (<i>Mérimodol</i> , III, 233)	1152—сер. 1172	S. Laurent- au-Bois или Heilly	
4.				
T Заглавная	1.	a) Den Haag, Koninkl. Bibl., 76E15 (<i>Mérimodol</i> , III, 97)	1178—1183	Вонне-Эсперанс
		b) Paris, B. N., lat. 11564	1174—1180	Корби
	2.	a) Paris, B. N., lat. 8846; (Avril, Sternemann, XXIII, N 76)	Последние четверть XII-го века, 1150	Кентерберн, Christ Church
		b) Cambridge, Trinity Coll., R. 17 (<i>Millar</i> , Pl. 42)	1120-е гг. 1183	Мальмсбери, Корби
c) Oxford, Bodl. L., Rawl G. 139 (<i>Hunt</i> , P. 26, 28, fig. 15)				
d) Paris, B. N., lat. 16943 (<i>Mérimodol</i> , III, 181—194)				
V Заглавная и строчная	1.	Oxford, Bodl. L., Auct. E. inf. 6 (<i>Hunt</i> , P. 38—40, fig. 24)	1173—1177	Сев. Франция

2.	a) Leyden, B. U., Voss. lat. 4, 12 ¹	Около 1190	Саво
	b) Amiens, ms. 43	к. XII—нач. XIII-го века	Корби
	c) Amiens, ms. 79 <i>Mérimodol</i> , 114, 115	к. XII— нач. XIII в.	Корби

¹ *Lieftinck G. I. Manuscript date et conserves dans les Pays-Bas. Amsterdam, 1964. Pl. 101 (далее: Lieftinck).*

Summary

The article focuses on the manuscript Lat. F. v. I. 22 from the Russian National Library (St. Petersburg) that contains a collection of letters composed by Peter of Blois.

Due to his talents and his coming from an aristocratic French family, Peter of Blois (1135(?)—1211/12) occupied various positions that made him a witness of, and a participant in many historical events: he was a tutor of young king William II of Sicily; a secretary of Rotrou, archbishop of Rouen; a chancellor of Eleanor of Aquitaine; served to three successive archbishops of Canterbury, held the position of archdeacon of Bath; and finished his days as an archdeacon of the City of London. Writing letters was his profession and vocation — a lucky combination that resulted in a collection of more than 300 letters. The popularity of Peter's work through the Middle Ages has been proven by the quantity of manuscripts containing his work. At the moment about 250 manuscripts dating from the 13th to the 15th century are known. The manuscript Lat.F.v.I.22 from the collection of the Russian National Library seems to be one of the oldest in this extensive family. According to the catalogue, it was written at the end of the twelfth century, i. e. during the life time of Peter.

Thus the first aim of this article is to provide evidence for dating of this manuscript. *Terminus post quem* is apparent from the analysis of the contents of the letters and could be determined as 1182—1183. *Terminus ante quem* is more difficult to achieve and requires a paleographical analysis. Some peculiar features of the script and a comparison with the dated manuscripts support a claim with some amount of certainty that the manuscript was written not later than the first quarter of the thirteenth century. Paleographical analysis also points out a French provenance of the manuscript, although some Insular (British) influence (usage of sign H for «enim» and a peculiar shape of initial A) is also to be found.

The second purpose of the research is a tentative approach to the textual analysis. The manuscript contains 68 letters of Peter of Blois (1—15, 41—56, 58—62, 65—75, 77—86, 88, 90—95, 128, 150— numbers according *Patrologia Latina* 207), *Instructio fidei catholicae*, and 21 short unpublished letters, which most probably do not belong

to Peter of Blois. The comparison of letters with the edition of PL demonstrates a number of differences that have the character of stylistic and editorial changes made by the author. In many cases the manuscript version of one or another sentence looks less elaborated. Using some observations and conclusions of L. Walgren, especially those drawn on the basis of the collation of ep. 1, 14 and 150, one could conclude that manuscript Lat. F. v. L. 22 contains Peter's first edition of his letters.

Some features of the manuscript are rather confusing. For instance, there are some apparent errors in the titles of some addressees, as C. archbishop of Blois, instead of *magister Ernaldus Blesensis* (ep. 71), and L. *Briocensis archiepiscopus* instead of L. *Pictaviensis archidiaconus* (ep. 54). Another peculiar feature of the manuscript is the abbreviation of majority of Biblical and sometimes Classical citations up to the first letter of each word. It is interesting to notice that the same method of abbreviation can be found in another manuscript of letters of Peter of Blois—Vatican Ottoban 3008, dated by the end of 12th—beginning of 13th century, that possibly suggests a certain connection between two those manuscripts.

This article is the first special research on the manuscript.

A. V. NOVOJILOV

CHARTRE DE L'AN 1249 PASSÉE AU NOM ET SOUS LE SCEAU
DE ROGER DE MERCY, ÉVÊQUE DE TOUL

Archives de l'Institut d'histoire à Saint-Petersbourg, Académie des sciences de
Russie: Kart: 332, N 6

(Грамота 1249 г. Роже де Мерси, епископа Тульского)

Публикуемая грамота Роже де Мерси, епископа Тульского, может быть причислена к наиболее ранним лотарингским документам на французском языке. Грамота содержит редкое свидетельство о вассальной связи сеньоров города Вуа с капитулом кафедральной церкви в Туле.

Nos, Rogiers, par la Grace de Deu Evesquez de Toul, faisons savoir a tous que ma/dame Poince de Voi, que fut fame au signor Estouenns de Voi, chevalier, par le grei / de Henri son fil, at reconu en nostre presence que sez mariz devant nomez tint dou Doien / et dou chapitre de nostre englise de Toul tout ce que il avoit a Voi et on ban et qu'il / li porroit conquerer, ou il ou sui hoir, en fie et en homaige, sauf nostre droit, se point en i / avons, et tout ce en avoit ele repris. Et at reconu davant nos qu-ele at acquitei par le / grei de sez enfans, Rolet et Wauterin, qui furet fil Dulinet de Voi, et li Doiens et li chapitres / devant nomei lor ont acquitez lez autres enfans dou devant dit Dulinet. Et / par ce que ce soit ferme chose et estable, nos avonmez fait metre nostre seel au presentez¹⁰ / letrez a la requeste de la davant dite dame et de son fil Henri, en tamoingnage de veri / tei. Ce fut fait en lan que li miliairez nostre signor corroit par. M. et. CC. et. XLIX. ans, en mois de june.

Dorso: Carta Rogeri *episcopi*
de feodo *domini Stephani militis* de Voio (XIII—XIV°)

La charte est passée sous le nom et au sceau de Roger de Mercy, évêque de Toul et fait état d'un fief du chapitre de Toul. La pièce peut être considérée une des premières chartes lorraines en langue française. Le livre *Chartes en langue française antérieures à 1271 conservées dans le département des Vosges*, préparé par Jean